

В И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Большіе осенніе маневры западно-европейскихъ армій съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большее значеніе годовыхъ экзаменовъ, которые производятся публично и не только передъ лицомъ своей страны, но, до нѣкоторой степени, даже въ присутствіи чуть ли не всей Европы. Печать, общая и специальная, разноситъ всему свѣту какъ результаты испытаній, такъ и описанія отдѣльныхъ интересныхъ эпизодовъ. А затѣмъ въ Германіи и Франціи большіе маневры являются крупными событіями для цѣлой страны. Все населеніе слѣдитъ за ними. Газеты полны отчетами о маневренныхъ дѣйствіяхъ. Специальные поѣзда доставляютъ публику въ раіоны «боевыхъ» столкновеній сторонъ. И печать, и общество, разбираютъ подробнѣйшимъ образомъ и работу войскъ, и достигнутые успѣхи въ боевомъ ихъ усовершенствованіи, и дѣятельность генераловъ. Создаются популярныя имена, симпатіи и антипатіи. Маневры популяризируютъ идею современной арміи въ населеніи, заставляютъ и армію стремиться поддержать свою популярность въ странѣ на должной высотѣ.

Для государства подробное знакомство съ маневрами сосѣднихъ армій служить лучшимъ критеріемъ успѣшности ихъ боевой подготовки за отчетный годъ. Съ увеличеніемъ продолжительности мира только по грандіознымъ осеннимъ упражненіямъ въ полѣ и можно имѣть правильное представленіе о современной боевой цѣнности любой иностранной арміи.

Нѣмцы и французы тщательнымъ образомъ взаимно изучаютъ другъ друга на большихъ маневрахъ. Въ ноябрьской книжкѣ *Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine* имѣется очень обстоятельный отчетъ о *большихъ французскихъ маневрахъ 1911 года.*

Неизвѣстный авторъ предпосылаетъ очерку маневровъ длинный разсужденіе о томъ, какъ представляется нынѣшняя подготовка французскихъ войскъ самимъ французамъ, насколько можно объ этомъ заключить изъ критики въ печати и изъ новѣйшихъ циркулярныхъ распоряженій военныхъ министровъ.

Онъ подчеркиваетъ то единодушіе, съ какимъ и нынѣшній министръ Мессими, и военная печать, настаиваютъ на развитіи наступательнаго духа во французской арміи. Печать толкуетъ о *кризисѣ наступленія*, который переживаетъ, будто бы, эта доблестная армія. Маневры въ Пикардіи 1910 года обнаружили въ арміи склонность видѣть въ передвиженіяхъ на полѣ сраженія, въ маневрированіи, не средство для нанесенія врагу удара наилучшимъ образомъ, а какую то самодовлѣющую цѣль. Министръ въ своемъ циркулярѣ передъ маневрами 1911 года обращаетъ особенное вниманіе на необходимость требованія отъ всѣхъ тактическихъ единицъ проникнуться духомъ наступленія.

«Мы родились съ этимъ духомъ», пишетъ офицеръ генеральнаго штаба въ «France Militaire», «но ни наше воинское воспитаніе, ни наше ученіе о войнѣ, не заботится о культивированіи его. Наступленіе должно выражаться въ порывѣ, въ отвагѣ, въ дѣйствіи; нашъ же методъ боя измѣнчивый, осложненный, медленный, основанный на обязанности имѣть какое то заблаговременное поручительство въ успѣхѣ; безъ него наши начальники не начнутъ боя... Причины кроются въ слишкомъ слѣпой привязанности къ уставамъ, въ безусловной вѣрѣ въ спасительность свѣдѣній о неприятели, въ благоговѣніи передъ хитросплетенными маневрами. Военачальники теряютъ въ заученныхъ комбинаціяхъ единственное искусство, которымъ они обязаны владѣть, искусство отважнаго риска».

Въ общемъ, на послѣднихъ маневрахъ повторились тѣ же явленія, на которыя указывалось и въ предыдущіе годы. Наступленіе фронтомъ опредѣленной ширины въ тѣсномъ соприкосновеніи колоннъ другъ съ другомъ и съ вызовомъ всей артилеріи одновременно для боевого развертыванія. Во имя напоминанія о наступательномъ духѣ, движеніе быстрыми толчками впередъ, не ожидая подготовки огнемъ. Резервъ предназначался преимущественно для прорыва, но такое примѣненіе его удалось осуществить за послѣдніе три дня маневровъ только однажды.

Пѣхота по прежнему представляется отборнѣйшимъ родомъ войскъ. Неутомима, поворотлива, крайне ловка въ использованіи мѣстности. Дисциплина огня умѣренная. Взаимная выручка мелкихъ единицъ хороша. Стремленія пѣхоты къ укрытію отъ огня мелкими частями и даже по одиночкѣ влекутъ за собой естественное ослабленіе вѣдѣнной связности, при которой уменьшается вліяніе начальниковъ; за-

трудняется достиженіе перевѣса своего ружейнаго огня надъ непріятельскимъ. Эта черта подготовки современной пѣхоты—небоязнь предоставленія стрѣлка самому себѣ—можетъ служить мѣриломъ ея боевыхъ достоинствъ; во французской пѣхотѣ эта расчлененность боевого порядка далеко еще неодинаково всюду усвоена.

Тѣсное взаимодействіе пѣхоты и артилеріи продолжаетъ привлекать вниманіе. Нельзя замѣтить безъ артилеріи наступающей впередъ пѣхоты. Подвижность и искусство примѣненія къ мѣстности артилеріи были безупречны, причемъ для артилеріи закрытыя позиціи остаются общимъ правиломъ. Боевой единицей въ артилеріи—отдѣленіе въ 2—3 батареи; примѣненіе рупоровъ облегчаетъ управленіе огнемъ, даже при раздѣльномъ расположеніи батарей. Въ артилеріи имѣются передвижныя вышки.

Маневры 1911 года показали, что французы будутъ достойнымъ противникомъ нѣмцевъ въ случаѣ войны. У французовъ неправильно примѣняется наполеоновское правило веденія боя: «On s'engage partout, puis l'on voit». Ихъ способу маневрированія главными силами позади длиннаго и тонкаго фронта авангардовъ нѣмцы противопоставятъ свой методъ наступленія, дышащій несокрушимымъ порывомъ уничтоженія непріятели. И въ этомъ пока превосходство нѣмцевъ, но ничѣмъ нельзя поручиться, что французы не откажутся отъ *своего* и не примутъ болѣе совершенное. Мольтке говорить, что нужно 50 лѣтъ защищать добытое, но они еще не прошли и «*быть на-готовѣ*» есть великая мудрость для нѣмцевъ: такъ заканчиваетъ нѣмецкій журналъ.

Въ послѣднихъ книжкахъ *Revue militaire générale* помѣщено продолженіе интереснаго этюда о *Наполеонѣ на войнѣ* (см. «обзоръ» за ноябрь 1911 г., стр. 206—209) подполковника *Vachée*. Авторъ на этотъ разъ пишетъ о *выполненіи* Наполеономъ своихъ гениальныхъ замысловъ.

На войнѣ наилучшая концепція не стоитъ ничего, если она не переведена въ дѣйствіе; самый талантливый планъ пріобрѣтаетъ цѣнность только путемъ своего осуществленія. Самымъ ревностнымъ партизаномъ этого мнѣнія былъ Наполеонъ; по своему темпераменту онъ былъ чуждъ отвлеченныхъ мечтаній, носителей которыхъ онъ презрительно обзывалъ «идеологами». Этотъ человекъ юга съ яркимъ воображеніемъ былъ въ тоже время наиболѣе практичнымъ реалистомъ. У него смѣлость и быстрота исполненія ни въ чемъ не уступали и силѣ замысла. Въ красивыхъ наполеоновскихъ маневрахъ трудно указать, чему больше удивляться: идеѣ ли ихъ или «*тому жесту, который ихъ осуществлялъ*». Чудныя комбина-

ции, угрожавшія жизни армій Вурмзера, Меласа, Макка, Брауншвейга, были, по самой природѣ своей, научно разработанными маневрами; они должны были повлечь за собой поражение непріятели, но они только бы грозили участи этихъ армій, они бы ихъ не уничтожили, безъ этого блестящаго исполненія, безъ этой стремительности и смѣлости, которыя удивляли міръ.

Идея операціи у Наполеона была въ полной мѣрѣ индивидуальна. Конечно этого не могло уже быть при воплощеніи ея въ дѣйствіе, которое требовало, въ различныхъ формахъ, большого числа людей. Но и на самую операцію личность его несомнѣнно накладывала отпечатокъ, придавая ей исключительно цѣльный, сильный и быстрый ходъ.

Пламенная воля императора прежде всего влекла къ тому, чтобы устранить потерю времени между зарожденіемъ рѣшенія и тѣмъ дѣйствіемъ, которое слѣдовало за нимъ. Воля и актъ ея были спаяны вмѣстѣ. Искусство Наполеона особенно сказывалось въ томъ, что, для приведенія въ исполненіе плана, который онъ создалъ и рассчиталъ, онъ умѣлъ выбирать, съ непреклонною твердостью, способы, наиболѣе быстро и вѣрно достигавшіе цѣли. Его всеокрушающій авторитетъ разсѣивалъ какъ химеру всякое возраженіе, всякую попытку указать на невозможность выполненія.

«Поздравляю васъ съ одержаннымъ вами успѣхомъ», пишетъ Наполеонъ Мюрату 17-го октября 1805 г., «но—никакого отдыха; преслѣдуйте непріятели концомъ вашей шаги и отрѣжьте ему всѣ пути отступленія...» Въ другомъ письмѣ: «потеря времени вознаграждаема на войнѣ, причины ея, на которыя ссылаются, всегда неубѣдительны, потому что промедленіе всегда влечетъ неудачу операціи» ¹⁾.

Наполеонъ дышалъ принципомъ, что передъ сраженіемъ и послѣ него и онъ самъ, и его армія, должны дѣлать сверхчеловѣческія усилія. И онъ не принималъ никакихъ доводовъ въ защиту невозможности ихъ проявить. Это былъ родъ величественнаго «bluffa», къ которому онъ прибѣгалъ, чтобы зажечь энергію, чтобы поддержать «священный огонь» у тѣхъ, которыхъ онъ толкалъ къ достиженію цѣли, возможной лишь при несокрушимой отвагѣ.

¹⁾ При чтеніи этихъ совѣтовъ великаго знатока войны несвольно въ голову приходятъ печальныя воспоминанія нашего недавняго прошлаго. Мнѣ врѣзался въ память особенно сильно одинъ фактъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ коего я былъ лично. 13-го января вечеромъ у селенія Чкаштанъ, старшій руководитель злосчастной операціи подъ Сандену получилъ донесеніе, оказавшееся затѣмъ ложнымъ, о взятіи частями VIII корпуса этого пункта. Первымъ распоряженіемъ, велѣдъ за полученіемъ этого донесенія, было приказаніе вѣзмъ войскамъ, участвовавшимъ въ брѣжѣ 12-го и 13-го января вокругъ Сандену, стать 14-го января на дневку! Это въ началѣ-то операціи! Послѣдовавшія событія, конечно, сами отмѣнили такой перерывъ, но неумѣстность подобнаго распоряженія не можетъ быть оправдана никакою заботливостью о войскахъ.

Быстрота и скрытность операций—два великих фактора победы, которые, по многим причинам, стремятся ускользнуть из боевого обихода современных армий. Но все относительно в человеческих расчетах, и тот из двух противников в будущей войне, кто превзойдет другого, приблизясь к идеалу Наполеона, приобретет для себя больше шансов на успех.

Решение принято. Для его осуществления требуется прежде всего главнокомандующему отдать распоряжения. Начинается дело его ближайших помощников, его штаба.

Так определяется назначение штаба армии Тьебо (Thiébault): это центральный пункт операций, военных и административных. Это центр, откуда, согласно воли главнокомандующего, все в армии устанавливается, все получает указания, и откуда в армии все приводится в действие и наблюдается.

Выше человеческих сил одновременно обдумывать план операции и приводить его в исполнение.

Первое есть работа исключительно самого полководца; он дает общие указания начальнику штаба. Этот последний будет обременен подробностями, которые неизбежно вытекают из выполнения движения и довольствия армий. Если не сообразоваться с таким основным разделением труда по руководству войсками, явится или крайняя централизация управления, превосходящая предель человеческих сил, или отречение от главнокомандования, которое лишит действия желаемых упорства и настойчивости.

Наполеона можно обвинять в первой крайности, т. е. в чрезмерной централизации в себя самом всех нитей полевого управления войсками, так как Бертье он предоставляет лишь то, чего он не мог выполнить сам.

Его штаб вовсе не был причастен к работам его мысли; он не был достаточно ориентирован в его намерениях и расчетах; ему оставалось только слушаться руки и глаза императора. «Держитесь строго (strictement) отданных мною вам приказаний», писал Наполеон Бертье в февраль 1806 г., «я один знаю, что я должен делать». Вот какова роль Бертье: он слепно вводит императора и остерегается всякой личной идеи.

Решение принято, и Наполеон диктует приказ, который адресован на имя Бертье и который указывает совокупность движений и отдельных распоряжений для различных корпусов. Познакомившись с ним, Бертье выполняет его не чрез посредство офицеров генерального штаба, а при участии военных и гражданских чиновников своей канцелярии. Каждый из них выбирал из общего приказа то, что подлежало его специальности, и из такой выдержки составлял частный приказ, являвшийся извлечением

почти *слово въ слово* изъ императорскаго приказа. Это было дѣло не болѣе, какъ писарей. Такимъ образомъ, во всѣхъ оперативныхъ распоряженіяхъ форма, какъ и существо дѣла, принадлежали самому Наполеону.

Далѣе авторъ очень подробно останавливается на обрисовкѣ роли Бертье. Если считать, вмѣстѣ съ Жюинни, начальника штаба повѣренннымъ полководца, его просвѣщеннымъ сотрудникомъ, тѣмъ, кто можетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ замѣститъ вождя, умѣющимъ всегда самостоятельно выйти изъ труднаго положенія въ духѣ идей своего принципала, способнымъ даже уберечь его отъ ошибокъ и предложить нужные совѣты, то, конечно, при Наполеонѣ Бертье не выполнялъ подобной роли, къ коей онъ совершенно не подходилъ. Но ничего этого и не требовалось Наполеону. Ему нужно было, чтобы Бертье разсылалъ его распоряженія, имѣлъ всегда на лицо нужныя свѣдѣнія и выполнялъ бы вообще адъютантскую при немъ службу. Въ этой послѣдней императоръ цѣнилъ пунктуальную точность Бертье, его слѣпое послушаніе, лишенное всякаго разсужденія, его молчаливость, скромность, неусыпность, его тонкую предупредительность въ отношеніи передачи и рассылки приказовъ—все такія свойства отъ которыхъ въ деталяхъ зависитъ успѣхъ операций. Наполеонъ въ своихъ «*commentaires*» называетъ Бертье обладающимъ нерѣшительнымъ характеромъ, мало пригоднымъ для командованія войсками, но обладающимъ всѣми качествами хорошаго начальника штаба. Какъ различно понимается слѣдовательно значеніе этого послѣдняго! Онъ долженъ быть дополненіемъ своему вождю до . . . счастливой па побѣду «супружеской четы» — сочетанія таланта и расчета во всѣхъ мелочахъ.

Но когда судить о человѣкѣ, нельзя его отдѣлять отъ эпохи. Человѣкъ мѣняется съ обстоятельствами и временемъ. Съ годами войны арміи Наполеона все увеличивались, его божественная энергія стала слабѣть, и онъ самъ увидѣлъ несостоятельность системы, ставящей всѣ движенія армій въ полную зависимость отъ одной головы. 2-го іюля 1812 года императоръ писалъ Бертье: «штабъ организованъ такъ, что онъ ничего не предвидитъ; вы мнѣ не только ни въ чемъ не помогаете, но вы мнѣ портите дѣло». Машина дѣйствовала плохо, да и не могло быть иначе, потому что сила энергіи руководителя не оживотворяла работы помощниковъ.

Послѣ подобныхъ жестокихъ попрековъ Бертье будировалъ, не приходилъ обѣдать; Наполеонъ посылалъ за нимъ, не садился безъ него за столъ. Когда Бертье появлялся, Наполеонъ обнималъ его, повторяя, что они неразлучны, и сажалъ его за столъ противъ себя. При своей постоянной потребности все анализировать, не исключая и своихъ чувствъ, Наполеонъ нерѣдко спрашивалъ себя,

почему онъ, избѣгая вообще безполезныхъ чувствъ, любилъ ничтожнаго человѣка, какимъ былъ Бертье. Это потому, что «онъ молится на васъ», объяснялъ императору Талейранъ. Онъ былъ восторженнымъ слугою Наполеона, привязаннымъ къ гению, къ личности полководца. Это гармоническое сродство двухъ людей, столь различныхъ своими свойствами, было несомнѣнно однимъ изъ элементовъ чудеснаго творчества на войнѣ въ эпоху императорской эпопеи.

По словамъ Mathieu Dumas, интенданта великой арміи въ 1812 г., въ теченіе 19-ти лѣтъ маршалъ Бертье выполнилъ 16-ть кампаній, всегда двойныхъ, лѣтнихъ и зимнихъ, и за это время его жизнь всецѣло была поглощена войнами Бонапарта. Неутомимая дѣятельность увлекла Бертье въ области отведенной ему работы; онъ вель послѣднюю съ удивительнымъ порядкомъ, быстро и разумно схватывать общія указанія, едва намѣченныя распоряженія и укладывавъ ихъ въ ясныя и точныя формы. Молчаливый, непроницаемый, скромный, онъ себя не цѣнилъ, показывая примѣръ рвенія и бдительности. Съ полною суровостью поддерживалъ дисциплину и умѣлъ заставить чтить свой авторитетъ со стороны тѣхъ, кто ему былъ подчиненъ, независимо отъ ихъ ранга и чина.

Административныя распоряженія, нужныя для питанія арміи всѣмъ необходимымъ, составляютъ также часть военного искусства, не менѣе важную и часто болѣе трудную, нежели оперативныя соображенія. Они также были предметомъ постоянныхъ мыслей Наполеона. Онъ не только устанавливалъ основныя черты устройства тыла, но въ диктуемыхъ имъ приказахъ онъ опредѣлялъ и подробности. Онъ никому не позволялъ вмѣшиваться въ выборъ пунктовъ главныхъ полевыхъ складовъ, арсеналовъ, госпиталей, продовольственныхъ магазиновъ и хлѣбопекаренъ. Онъ самъ былъ своимъ инспекторомъ этаповъ и не рѣдко присваивалъ себѣ обязанности младшихъ исполнителей въ области снабженій и эвакуаціи.

Эта крайняя концентрація управленія была слѣдствіемъ всей его властной натуры. Его личный авторитетъ былъ принципомъ и единственнымъ источникомъ всѣхъ дѣйствій его управленія.... Въ своемъ дворцѣ, какъ и въ палаткѣ, гдѣ бы онъ ни находился, всѣ нити были сосредоточены въ его желѣзной рукѣ и его ревнивое недовѣріе не позволяло выпустить изъ рукъ ни одной.

Подобная манера командованія не можетъ быть рекомендована въ качествѣ образца. Много ли людей, даже изъ числа самыхъ избранныхъ и сильныхъ, могли бы сдѣлать карьеру Наполеона? Чрезмѣрное напряженіе всѣхъ благоприятныхъ ему обстоятельствъ привело къ тому, что онъ самъ разрушилъ зданіе, которое возвелъ. Однако, съ точки зрѣнія военной, эта централизація командованія въ себѣ самомъ позволяла Наполеону доводить до минимума то «мертвое»

время, которое отдѣляетъ принятіе рѣшенія отъ начала движеній войскъ. *Эта крайняя экономія времени, чрезвычайно цѣнная во всякъ родахъ человѣческой дѣятельности, является существеннымъ условіемъ успѣха на войнѣ.* Стараться осуществить ее способами Наполеона было бы дерзостью. Нужно стремиться къ ней, вдохновляясь принципами раздѣленія работы и экономіи силъ и методической организаціей дѣятельности штабовъ.

Далѣе авторъ на конкретномъ примѣрѣ разсматриваетъ работу Наполеона въ его главной квартирѣ послѣ принятія имъ руководящаго рѣшенія, которымъ опредѣлялась судьба цѣлой кампаніи. Онъ выбралъ для такого примѣра историческую ночь съ 11-го на 12-е октября 1806 года, когда императоръ повернулъ свою армію на-лѣво и привелъ ее къ Іенѣ и Ауэрштеду.

Наполеону приходилось чаще всего импровизировать уже *въ послѣдній моментъ* большую часть работы, которая предшествуетъ началу военныхъ дѣйствій. Она требовала съ его стороны затраты огромныхъ усилій. Нынѣ этотъ трудъ обыкновенно выполняется за-благовременно, въ періодъ мира, при участіи значительнаго числа офицеровъ генеральнаго штаба. Оперативная подготовка къ войнѣ кончена и остается только въ моментъ объявленія войны подписать одну телеграмму, и грандіозная машина заработаетъ. Этотъ научный методъ подготовки созданъ Мольтке и, конечно, представляетъ неоспоримыя преимущества передъ импровизаціей Наполеона. Но не забудемъ, что къ услугамъ Мольтке явились электричество и паръ—силы, перевернувшія жизнь всего человѣчества и незнакомыя еще великому корсиканцу.

Разсказываютъ, что въ іюлѣ 1870 года, послѣ объявленія войны, одинъ американскій репортеръ, принятый фельдмаршаломъ Мольтке въ Берлинѣ, засталъ его за чтеніемъ на латинскомъ языкѣ одного изъ твореній римскаго историка Тацита. Все было предвидѣно и налажено еще въ эпоху мира, гигантское колесо мобилизаціи пущено въ ходъ, всѣ корпуса нѣмецкой арміи двинулись по желѣзнымъ дорогамъ къ Рейну, и у начальника генеральнаго штаба оказалось настолько свободнаго времени, что онъ могъ себѣ позволить рѣдкое лакомство для души—чтеніе римскаго классика. Наполеонъ не былъ въ такихъ завидныхъ условіяхъ....

Авторъ обѣщаетъ продолженіе своего крайне занимательнаго этюда.

Въ томъ же журналѣ майоромъ *Morducy* разбирается вопросъ о *продолжительности будущей войны*. Статья снабжена авторитетнымъ послѣсловіемъ генерала *Langlois*. Авторъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что вопросъ этотъ не только академическаго характера, а

столь же насыщенъ для всякаго современнаго правительства, какъ и выработка руководящихъ основъ политики, виѣшней и внутренней, и тѣсно съ ними связанная система государственной обороны страны. Ограничится-ли будущая война однимъ исполненнымъ сраженіемъ, какъ предсказываютъ нѣкоторые изслѣдователи, или продолжится она нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, — разница большая относительно подготовки всѣхъ разнообразныхъ средствъ для веденія войны и характера ихъ расходованія.

Отступленіе группы армій, включающей въ себѣ до милліона участниковъ, а то и больше—операція деликатная. Исторія не даетъ намъ примѣра, хотя бы близко подходящаго къ этому. То не будетъ отступленіемъ Бенедика въ 1806 г. послѣ Садовой, или Базена послѣ Шпихерна. Подобная операція въ будущемъ, если она допускается планомъ войны, должна быть подготовлена еще въ мирное время. Въ минуту дѣйствія симпровизовать ее будетъ невозможно, какъ бы блестящъ ни былъ, по своимъ знаніямъ и способностямъ, составъ главной квартиры полководца.

Авторъ, прежде всего, приводитъ мнѣнія наиболѣе извѣстныхъ современныхъ военныхъ писателей по разбираемому вопросу.

По словамъ Бонналя. исходъ будущей войны тѣсно связанъ съ результатомъ перваго сраженія... участь кампаніи опредѣлится не далѣе мѣсяца по открытіи военныхъ дѣйствій; невозможно будетъ вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля, если онъ сумѣлъ уже одержать рѣшительный успѣхъ въ большомъ сраженіи.

Наоборотъ, другой французскій авторитетъ, генераль Ланглуа обратился въ 1908 году въ сенатъ съ такими словами: первая битва не можетъ рѣшить судьбы войны, если мы найдемъ новаго Гамбетту; великія событія всегда рождаютъ въ нашей странѣ сильныхъ людей и пламенныхъ вдохновителей человѣческихъ сердець. Явится новый Гамбетта, и мы будемъ въ состояніи *надолго* продлить борьбу.

Генераль Maillard говоритъ: если мы проиграемъ первое сраженіе, я утверждаю, ничто еще не потеряно. если мы умѣемъ маневрировать назадъ. Наша дѣйствующая армія отойдетъ отъ крѣпостей, выигрывая пространство и время для новаго столкновенія съ врагомъ.

Блюме по этому же поводу высказался въ 1908 году такъ: «чѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе мы (нѣмцы) поведемъ борьбу, тѣмъ пріобрѣтемъ болѣе шансовъ на скорое подчиненіе противника нашей волѣ, до полнаго истощенія его силъ. Въ скоромъ окончаніи войны заинтересована больше, чѣмъ когда либо, не только наша страна, но и цивилизація».

«Однако было бы ошибочно и даже опасно думать, что будущія войны всегда будутъ непродолжительны; ошибочно потому, что спор-

ные интересы вообще трудно разрѣшаются мирнымъ путемъ, и опасно потому, что, если, вопреки предположенію, война затянется, то народъ потеряетъ столь необходимыя для борьбы энергію и упорство».

Фонъ-дёръ-Гольцъ въ своемъ *Веденіи войны* того мнѣнія, что будущую войну нужно вести безъ остановокъ, толкать ея развитіе съ самой страшною настойчивостью до тѣхъ поръ, пока сопротивление непріятеля не будетъ сломлено *рядомъ рѣшительныхъ сраженій*, и затѣмъ уже до заключенія мира идти болѣе спокойнымъ темпомъ, позволяющимъ сберечь свою армію. Такимъ образомъ онъ предполагаетъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ столкновеній, который смѣнится мѣнѣ дѣятельнымъ періодомъ, предшествующимъ заключенію мира.

Фонъ-Шлиффенъ въ своемъ извѣстномъ этюдѣ, напечатанномъ въ «*Deutsche Revue*» въ апрѣлѣ 1909 года и надѣлавшемъ много шума, стоитъ за то, что будущая война до полнаго истощенія невозможна. По его мнѣнію, война будетъ закончена послѣ перваго сраженія. Продолжительныя войны стали немислимы въ эпоху, когда существованіе народа покоится на безостановочномъ ходѣ торговли и промышленности и когда необходимо, чтобы быстрое разрѣшеніе кризиса вновь пустило бы въ ходъ остановившійся маховикъ. Нельзя держаться стратегіи изнуренія, когда содержаніе милліоновъ солдатъ влечетъ за собою расходы милліардовъ.

Но все это скорѣе впечатлѣнія, нежели выводы изъ положительнаго изслѣдованія условій современной борьбы. Авторъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть всѣ тѣ причины, которыя будутъ вліять на продолжительность войны, напримѣръ, между Германіей и Франціей. Причины эти характера матеріальнаго, политическаго, финансоваго, моральнаго и стратегическаго. За недостаткомъ мѣста, здѣсь нельзя слѣдовать за авторомъ при разборѣ имъ всѣхъ названныхъ данныхъ, вліяющихъ на ходъ современной борьбы. Онъ не отличается, правда, особенной глубиной мысли, которая исчерпывала бы до конца столь обширный сюжетъ, но мѣстами анализъ обстановки будущаго европейскаго столкновенія даетъ нѣкоторые новые штрихи. Поэтому, можетъ быть, сама статья стоитъ того, чтобы появиться въ болѣе подробномъ извлеченіи.

Конечные выводы автора приходятъ къ тому, что война несомнѣнно будетъ продолжаться послѣ первой встрѣчи. Эта послѣдняя произойдетъ въ теченіе срока между 15-мъ и 21-мъ днемъ послѣ объявленія войны и, вмѣстѣ съ продолжительностью своего развитія, завершитъ, приблизительно, первый мѣсяць войны.

Послѣ этого сраженія побѣжденный отойдетъ, побѣдитель займется пополненіемъ истраченнаго матеріала и двинется далѣе. Но движеніе группы армій будетъ очень медленно; трудно особенно дѣло снабженія ихъ всѣмъ нужнымъ. На желѣзныя дороги въ непріятель-

ской странѣ разсчитывать сразу рискованно: онѣ будутъ разрушены. Важнѣйшіе пути заперты непріятельскими крѣпостями; придется отъ нихъ заслониться или ихъ осаждать.

Скорость движенія пѣхоты въ большихъ массахъ отнюдь не болѣе 18 верстъ въ сутки; между тѣмъ побѣжденный отойдетъ подале. Въ результатѣ вторая большая битва произойдетъ около трехъ мѣсяцевъ спустя объявленія войны.

Авторъ затрудняется приподнять завѣсу, скрывающую дальнѣйшія стратегическія перспективы, оставаясь на болѣе или менѣе реальныхъ основахъ борьбы. Онъ замѣчаетъ только, что, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, наступитъ полный застой въ странѣ въ смыслѣ жизни экономической, промышленной, сельско-хозяйственной и торговой; и это у всѣхъ народовъ, правительства которыхъ соблазнились вести войну до крайняго истощенія соперниковъ.

Когда долженъ наступитъ этотъ критическій моментъ? Между тремя и пятью мѣсяцами войны, хотя точно утверждать трудно, такъ какъ въ прошломъ не было даже приблизительно похожаго на то, что ожидаетъ государства Европы въ случаѣ вооруженнаго конфликта: сравнительно съ эпохой послѣдней большой войны населеніе удвоилось, произошло огромное накопленіе матеріальныхъ богатствъ, возникла густая сѣть сплетающихся международныхъ интересовъ.

Во всякомъ случаѣ *окончательная побѣда выпадетъ на долю наиболее стойкаго, наиболее упорствующаго народа*. Она будетъ принадлежать тому, кто сумѣетъ вынести съ наибольшей энергіей и особенно болѣе продолжительное время всѣ тѣ испытанія, которыя будутъ присущи борьбѣ въ двадцатомъ вѣкѣ.

Генералъ Ланглуа въ своемъ послѣсловіи, воздающемъ хвалу изслѣдованію маіора Morgac'a, добавляетъ, что французы должны глубоко исповѣдывать идею борьбы съ нѣмцами *до крайняго истощенія ихъ силъ и средствъ*. Во всѣхъ французскихъ школахъ и во всѣхъ войсковыхъ частяхъ должны быть запечатлѣны слова, что *la victoire au plus tenace*—побѣда болѣе упорному.

Въ томъ же журналѣ за октябрь и ноябрь заслуживаютъ полнаго вниманія двѣ статьи:

а) *Морское сраженіе*—изслѣдованіе лейтенанта флота *Vaudry* даетъ картину современнаго морского боя, на основаніи изученія важнѣйшихъ историческихъ примѣровъ, не вдаваясь въ техническія подробности, а въ тѣхъ краскахъ, которыя нужны не для спеціалиста-моряка, а для сухопутнаго офицера.

б) *Подготовка къ войнѣ*, майора *Debeugny*, составляетъ продолженіе этюдѣвъ подѣ тѣмъ же заглавіемъ, въ совокупности посвященныхъ боевой подготовкѣ войскъ въ мирное время на основаніи сопоставленія уставныхъ требованій съ боевымъ опытомъ Русско-японской войны 1904—5 годовъ.

Какъ извѣстно, во всѣхъ учебникахъ стратегіи за образецъ разработки наступательнаго плана войны принять мемуаръ Мольтке, или вѣрнѣе рядъ вариантовъ его, причемъ въ особую заслугу ему ставится веденіе имъ операцій въ строгомъ соотвѣтствіи съ руководящей идеей, намѣченной въ мемуарѣ еще въ 1868 году: стремиться отбросить французскія арміи къ сѣверу отъ операціонной зоны на Парижъ съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ средоточія всей жизни страны и богатыхъ южныхъ провинцій и прижать къ бельгійской границѣ. Но уже въ нашей литературѣ были мнѣнія, оспаривавшія дѣйствительность подобнаго основнаго замысла у Мольтке до событій 1870 г., настолько по крайней мѣрѣ созрѣвшаго, чтобы держаться его съ первыхъ дней войны (генераль-майоръ В. Е. Борисовъ). Въ октябрьской книжкѣ *Revue d'Histoire* по этому же поводу помѣщена пространная замѣтка *о планѣ Мольтке въ 1870 году*. Неизвѣстный авторъ ея категорически доказываетъ, что подобной руководящей идеи у Мольтке *вовсе и не было*, ссылаясь на переписку фельдмаршала, изданную нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ.

Начиная съ 1903 года историческое отдѣленіе французскаго генеральнаго штаба, предпринявъ изданіе исторіи войны 1870 года, указывало, что вообще трудно вывести изъ изученія мемуара 1868—1869 года ту руководящую тенденцію, которую проводятъ нѣмецкіе военные историки.

Въ 1905 году французы уже указывали, что мысль объ отбрасываніи французскихъ армій къ сѣверу мало по малу созрѣвала у Мольтке только во время операцій въ Лотарингіи и раньше онъ съ полною ясностью о ней не высказывался. Только послѣ сраженія у Резонвилля (Марсъ-Ла-Туръ) нѣмецкая главная квартира выразила опредѣленное намѣреніе отбросить непріятеля къ сѣверу къ границѣ Люксембурга.

Въ 1905 году прусскій генеральный штабъ призналъ (*Kriegsgeschichtliche Einzelschriften*, Heft 36), что только 16-го августа вечеромъ *въ первый разъ* выражена *письменно* мысль объ отбрасываніи французовъ къ сѣверу. Въ нѣмецкомъ этюдѣ о 18 августа, напечатанномъ въ 1906 году, операціи вокругъ Меца разсматриваются какъ результатъ плана, родившагося у Мольтке на другой день послѣ боевъ у Форбаха и Фрешвиллера. Французскій авторъ это оспариваетъ.

Въ 1867 году Мольтке въ письмѣ на имя генерала ф. Гартмана указываетъ, что лучшее средство для Германіи при борьбѣ съ Франціей заключается въ томъ, чтобы, «принявъ за базу средній Рейнъ, наступать и отрѣзать французскую армію отъ Парижа къ югу».

Необходимо запомнить эту фразу, такъ какъ до вечера 16-го августа 1870 года съ пера начальника прусскаго генеральнаго штаба болѣе не слетаетъ подобнаго точнаго указанія. Конечно нѣсколько разъ Мольтке возвращался къ мысли отрѣзать отъ Парижа французскія арміи, но только единственный разъ во всей его корреспонденціи мысль эта формулировала такъ опредѣленно.

Внимательное изученіе всѣхъ мемуаровъ Мольтке съ 1867 г. по 1870 г. не позволяетъ сдѣлать заключенія о томъ, чтобы онъ ясно предвидѣлъ ту общую обстановку, среди которой онъ принудить врага принять бой. Напротивъ. Его собственныя дѣйствія остаются въ зависимости отъ воли французскаго главнокомандованія.

До объявленія войны, по всѣмъ даннымъ у Мольтке не было руководящей мысли откинуть французскія арміи къ сѣверу отъ общеній съ Парижемъ; скорѣе можно утверждать, что у него складывалось обратное рѣшеніе—отбросить ихъ къ югу.

Въ статьѣ очень подробно, шагъ за шагомъ, разсматриваются письменныя распоряженія Мольтке съ начала военныхъ дѣйствій въ отношеніи основной идеи. Оказывается, впервые приписываемое ему рѣшеніе запечатлѣно имъ письменно только 16-го августа. Въ 5 часовъ этого дня онъ отдаетъ приказаніе: «отбросить непріятеля къ сѣверу, отрѣзавъ его отъ Шалона и Парижа». Въ 8 часовъ вечера онъ пишетъ командующему 2-й арміей: «необходимо прежде всего отбросить къ сѣверу возможно наибольшую часть непріятельскихъ силъ и преслѣдовать ихъ до границы Люксембурга и даже на территоріи этого государства».

Тщательное изученіе всѣхъ предшествующихъ его распоряженій, между 4 и 16 августа, свидѣтельствуетъ, что отдаваемые имъ изо дня въ день приказанія отвѣчали только данному моменту общаго положенія и вовсе не заглядывали впередъ. Обстановка нѣмецкому стратегу выяснялась въ послѣднюю минуту и то недостаточно полно. Чтобы онъ предпринялъ, на примѣръ, если французская армія дала бы сраженіе 17 августа, какъ опасались этого нѣмцы?

Поэтому не можетъ быть никакого сравненія между кропотливой работой Мольтке и смѣлымъ выполненіемъ гениальныхъ концепцій Наполеона I. Стоитъ вспомнить, хотя бы, письмо императора къ голландскому королю, 30-го сентября 1806 г., за двѣ недѣли до сраженія подъ Іеной: «мое намѣреніе сосредоточить всѣ мои силы на крайнемъ моемъ правомъ флангѣ, оставивъ свободнымъ все пространство между Рейномъ и Бамбергомъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть до

200 тысячъ на одномъ полѣ сраженія... Трудно предвидѣть, какъ разовьются событія, потому что непріятель можетъ сильно желать обойти мой лѣвый флангъ, а я въ этомъ случаѣ его сброшу въ Рейнъ...» 12-го октября—за 2 дня до Іены, онъ пишетъ Талейрану: «Дѣла идутъ совсѣмъ такъ, какъ я рассчиталъ два мѣсяца тому назадъ въ Парижѣ, переходъ за переходомъ, событіе за событіемъ; я ни въ чемъ не ошибся».

Нѣмцы въ 1870 году обязаны не столько высшему руководству, какъ инициативѣ, полной солидарности, непреклонной энергіи, глубокому чувству необходимости наступленія—среди начальниковъ всѣхъ степеней и... совершенной неспособности французскаго командованія.

Въ декабрьской книжкѣ *Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine* полковникъ *Woelki* пишетъ по вопросу *развитія армии*, рассматривая его въ широкомъ смыслѣ и касаясь общихъ условій устройства и существованія современной народной арміи. Авторъ предостерегаетъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія числомъ и преклоненія передъ техникой, успѣхи которой ослѣпительны и способны отодвинуть на второе мѣсто заботы о сущности вооруженной силы.

Все вниманіе должно быть обращено на совершенствованіе *постоянной армии*, значеніе которой не столько въ смыслѣ школы для военной подготовки мужской молодежи, какъ въ томъ, чтобы быть надежнымъ и прочнымъ *остовомъ* мобилизованныхъ силъ. Авторъ перечисляетъ данныя, обезпечивающія это назначеніе кадровъ, но ничего новаго не указываетъ, оставаясь въ предѣлахъ общеизвѣстныхъ требованій. Постоянная армія конечно гарантируетъ государству защиту его правъ въ той степени, въ какой затрачены на нее народныя силы и энергія, но приходится считаться и съ тѣмъ, что силы эти нужны и на многія иныя столь же первостепенныя потребности государства. Забронированный кулакъ не есть еще самостоятельный организмъ; его внушительность относится главнымъ образомъ на счетъ того, кто съ знаніемъ и искусствомъ его используетъ. Прошли времена эпическихъ завоеваній; нынѣшняя армія стоитъ столько, сколько и народъ, ее выставившій.

Въ томъ же выпускѣ изслѣдованіе полковника *фонъ Балка* о «*Мукденѣ*», на основаніи нашей официальной исторіи войны, и статья генераль-маіора *фонъ Герсдорфа*—о *пользованіи кавалеріей въ пѣшемъ строю и о придачѣ велосипедныхъ баталіоновъ къ армейской конницѣ*.

Въ декабрьской книжкѣ *Streffleurs militärische Zeitschrift* майоръ *Riedl* озабоченъ недостаткомъ кавалеріи въ Австро-Венгерской арміи. По свѣдѣніямъ *Velzé* сравнительный составъ этого рода войскъ въ мирное время въ важнѣйшихъ арміяхъ таковъ:

	ГОСУДАРСТВА.						
	Англія (безъ колоній).	Россія.	Германія.	Франція.	Италія.	Турція.	Австро-Венгерія.
Число баталіоновъ.	335	1359	633	657	362	360	679
Число эскадроновъ.	334	981	510	455	145	201	353
На 100 баталіоновъ приходится эскадроновъ.	почти 100	72	80	почти 70	40	55	52

Только въ Италіи, которая имѣетъ единственный удобный для дѣйствій конницы театръ войны—Ломбардскій—въ $\frac{1}{10}$ отношеніи эскадроновъ меньше, чѣмъ въ Австро-Венгеріи. 162 эскадрона (46%) встрѣчаются, по условіямъ мирной дислокаціи, съ пѣхотой лишь во время большихъ маневровъ, а нѣкоторые эскадроны и вовсе не видятъ пѣхоты. Въ 70 пунктахъ стоянокъ кавалерійскихъ частей нѣтъ пѣхоты.

Поэтому авторъ горячо стоитъ за сформированіе въ пѣхотѣ командъ конныхъ ординарцевъ—*Meldereiter*, которые должны замѣнить дивизионную кавалерію съ тѣмъ, чтобы всѣ кавалерійскіе полки были сведены въ дивизіи армейской конницы. Для каждаго пѣхотнаго полка авторъ предлагаетъ сформировать отдѣленіе ординарцевъ въ составѣ 2 офицеровъ и 35 нижнихъ чиновъ, которое должно при мобилизаціи увеличиваться до 75 нижнихъ чиновъ съ добавленіемъ 10 велосипедистовъ на каждый баталіонъ. Въ каждой пѣхотной дивизіи получится 300—325 конныхъ ординарцевъ и 150 велосипедистовъ. Этимъ способомъ будетъ восполненъ недостатокъ дорогого стоящаго рода войскъ въ австрійской арміи.

Въ томъ же журналѣ помѣщены три обстоятельныя статьи на современныя военно-политическія темы:

- 1) *Нѣмецко-французское соглашеніе о Марокко*, съ двумя схемами.
- 2) *Китайскіе безпорядки*, съ двумя схемами.
- 3) *Италія и Триполи* (продолженіе), съ тремя схемами.

Въ памяти каждаго изъ насъ есть такія группы фактовъ, образовъ, воспоминаній, которыя все болѣе и болѣе проявляютъ свою неотступность и вокругъ которыхъ сами собою кристаллизуются наши

мысли. Подъ вліяніемъ подобнаго воздѣйствія воспоминаній о нѣкоторыхъ кровавыхъ эпизодахъ экспедиціи въ Тонкинъ 1885 года, капитанъ *Ch. Jacob*, въ ноябрьской книжкѣ «*Journal des Sciences Militaires*», даетъ небольшой, очень убѣжденно написанный этюдъ о моральныхъ силахъ на войнѣ.

Осада южными китайцами небольшого французскаго отряда въ *Tuyen-Quan*, движеніе на освобожденіе его, сраженіе у *Ноа-Мос* и деблокада *Tuyen-Quan*'а, представляютъ собою эпическую трилогію, въ которой событіями управляли моральныя силы французскихъ экспедиціонныхъ войскъ. Это одна цѣлая трагедія, сжатая, быстротечная, жгучая, въ которой интересъ и грусть свидѣтеля повышаются *sensendo*, въ которой усилія и самоотверженіе дѣйствующихъ лицъ поднимаются по мѣрѣ развитія событій. Длинная серія форсированныхъ маршей; ночи безъ сна; отсутствіе средствъ, лишенія; постоянное втаскиваніе орудій на плечахъ людей на вершины съ крутыми скалами; передвиженіе канонерокъ волокомъ по камнямъ высохшаго русла рѣки... Всѣ лишенія и невзгоды—ради освобожденія своихъ товарищей, терпѣвшихъ осаду въ *Tuyen-Quan*'ѣ.

Авторъ строить на этомъ примѣрѣ всю нравственную красоту военнаго подвига и самой войны. Жоресъ и его послѣдователи говорятъ, что опьяненіе патріотизмомъ возможно нынѣ только у гражданъ, защищающихъ свой родной очагъ. Въ идеи отечества—идеи къ тому же насильственной, по ихъ мнѣнію, ничто не можетъ побудить людей ринуться въ бой подобно сверху падающему потоку. Между тѣмъ въ примѣрѣ *Ноа-Мос* участники далеко не всѣ имѣли основаніе любить Францію и тѣмъ не менѣе они соперничали другъ съ другомъ въ самоотверженіи. Среди нихъ были французы, иностранный легіонъ, алжирцы и азіатцы—но *что-то* ихъ спаяло всѣхъ вмѣстѣ.

Центральнымъ императивомъ ихъ героизма было чувство военной доблести, чувство непосредственное, которое можетъ въ нужную минуту облагородить наемниковъ, людей съ животными инстинктами, людей падшихъ—*déchus*.

Пасифисты проповѣдуютъ даже дѣтямъ, что война мерзка, отвратительна, позорна для человѣчества, подходя только къ нравамъ животныхъ, плотоядныхъ. Мысль, претендующая на свою принадлежность даже великимъ мыслителямъ. Мнѣніе это чрезвычайно поверхностно, по большей части, фальшиво, будучи основано лишь на оцѣнкѣ внѣшнихъ признаковъ войны. Пасифизму легче конечно защищаться покровомъ гуманности. Но вотъ конкретный случай, какъ *Ноа-Мос*. Люди съ истрепанными душами, вродѣ иностранцевъ въ алжирскомъ легіонѣ, идутъ сознательно на смерть и чувствуютъ въ себѣ благородный подъемъ, высокое настроеніе души; они пости-

гаютъ, что есть на свѣтѣ что-то болѣе драгоцѣнное, нежели ихъ собственная жизнь: жизнь ихъ товарищей, жизнь другихъ людей. Ихъ животность уменьшилась въ этотъ моментъ на всю ту величину, на которую возрасла ихъ духовность; война ихъ облагородила и подняла на много ступеней на лѣстницѣ человѣческихъ существъ.

Затѣмъ, соревнованіе, духъ воинской части, корпоративное чувство благородства. Идти на смерть на глазахъ другихъ—подзадариваетъ другъ друга, влечетъ къ отличію, къ соревнованію. Напрасно пацифисты издѣваются надъ этими стремленіями къ состязанію: оно вытекаетъ изъ руководящаго человѣческаго побужденія—быть не хуже, а лучше другихъ. Это вѣдь залогъ индивидуальнаго совершенствованія, а безъ него міръ былъ бы обреченъ на прозябаніе.

Въ случаѣ войны за идею отечества, конечно, силы моральныя заговариваютъ еще ярче. Какой несокрушимой энергіей должна вдохновиться французская армія для освобожденія своей родины, если защитникамъ представить, что Франція, угрожаемая иноземнымъ вторженіемъ, уподобится осажденной крѣпости, въ которой заключено 40 милліоновъ человѣческихъ существъ—на поверхности ея территоріи, а въ землѣ ея—погребено 80 поколѣній скелетовъ—прямыхъ предковъ ихъ...

С. Добrorольскій.

«Rivista militare italiana» 1911 г. Сентябрь.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Война и маневры» капитанъ Giuseppe Porta выясняетъ, что выводы, основанные на указаніяхъ одной войны, часто опровергаются слѣдующею войною. Выводамъ въ пользу оборонительной тактики, сдѣланнымъ на основаніи событій войны въ южной Африкѣ, существенно противорѣчатъ указанія нашей войны съ Японіей, полной доводами въ пользу наступательнаго характера, какъ стратегическихъ, такъ и тактическихъ дѣйствій. Не касаясь указаній, относящихся къ военной подготовкѣ, организаціи сообщеній, сбору свѣдѣній, пользованію артилеріею и проч., авторъ останавливается на употребленіи въ бою пѣхоты и приходитъ къ заключенію, что выводы по этому послѣднему предмету, дѣлаемые изъ нашей войны, не во всемъ согласны съ тѣмъ, что показали японскіе императорскіе маневры, бывшіе осенью 1910 года.

Объ этихъ маневрахъ корреспондентъ France Militaire пишетъ:

«Бросается въ глаза слабость резервовъ въ бою: рота на полкъ, одна—двѣ роты на бригаду».

«Полки и бригады вступаютъ въ бой одновременно (d'emblée)».

«Боевая линия образуется изъ отдѣльныхъ группъ, которыя наступаютъ въ предѣлахъ поражаемаго пространства перебѣжками».

«Наступающія группы остаются каждая въ рукахъ своего начальника. Величина группы—взводъ или полувзводъ».

«Группа начинаетъ перебѣжку по опредѣленному сигналу и по исполненіи ея быстро ложится. Величина перебѣжки отъ 100 до 150 метровъ».

«Фортификаціонныя работы, столь часто примѣнявшіяся во время войны, не имѣли такового же примѣненія во время маневровъ».

«Полкъ занималъ по фронту около 800 метровъ, бригада отъ 1500 до 2000 метровъ».

Очевидецъ другихъ, болѣе давнихъ упражненій японской пѣхоты, бывшей въ составѣ экспедиціоннаго корпуса въ Китаѣ, откровенно высказывалъ, что всѣ иностранные офицеры, видѣвшіе эти упражненія, поразились полнымъ пренебреженіемъ наиболѣе существенныхъ указаній Англо-бурской войны и признавали японскую тактику при современныхъ условіяхъ непримѣнимою.

Началась наша война. На Ялу, у Вафангоу, японцы сгущали свои построения и атаки ихъ были успѣшны; затѣмъ, въ цѣляхъ охвата нашихъ фланговъ, они уменьшали резервы, разрѣжали построения, при наступленіи окалывались, и атаки ихъ оставались успѣшными по прежнему; теперь, на маневрахъ, они опять свои войска сгущаютъ и не прибѣгаютъ болѣе для облегченія наступленія къ помощи окоповъ. Если японцамъ придется вести въ скоромъ времени новую войну, то и тутъ авторъ предсказываетъ имъ успѣхъ; какъ на основаніе такого предсказанія, онъ указываетъ не на тотъ или другой видъ построений, а исключительно на неизмѣнно наступательный характеръ японскихъ операцій въ борьбѣ, какъ противъ болѣе слабого, такъ и противъ болѣе сильнаго противника, какъ противъ «малодушныхъ китайцевъ, такъ и противъ русскихъ героев».

Преимущества наступленія передъ обороною въ теоріи признаются всѣми, но, затѣмъ, въ примѣненіи къ дѣлу на практикѣ, на маневрахъ, сплошь да рядомъ обнаруживается отсутствіе правильного представленія о той истинной активности, которая всегда и во чтобы то ни стало подчиняетъ себѣ волю противника.

Нельзя отрицать логичности выводовъ, дѣлаемыхъ изъ указаній нашей послѣдней войны, но, если эти выводы хороши для войны, это не значитъ, чтобы они были хороши для маневровъ. Не слѣдуетъ требовать отъ маневровъ большаго, нежели они могутъ дать.

Въ лекціи, читанной офицерамъ Неапольскаго гарнизона въ присутствіи герцога Аостскаго, поручикъ Enrico Fumo указалъ наиболѣе выдающіяся черты общаго характера современнаго боя.

Современный бой характеризуется, какъ наличностью значительныхъ количествъ войскъ, занимающихъ обширныя пространства и находящихся между собою въ постоянной связи, такъ и необходимостью укрытій для этихъ войскъ, не только при оборонѣ, но и при наступленіи. Въ цѣляхъ укрытаго наступленія, войска бывають часто вынуждены сдвигаться то въ ту, то въ другую сторону и занимать различные промежуточные предметы раньше, нежели подойти къ главному объекту наступленія; подобныя операціи требуютъ иногда много времени и обусловливають тѣмъ значительную продолжительность боя. Общая операція раздробляется по времени и пространству, отдѣльные отряды получаютъ каждый свое назначеніе; идетъ рядъ частныхъ боевъ. Самая совершенная связь между отрядами и между частями послѣднихъ устанавливается путемъ устройства густой сѣти телеграфовъ и телефоновъ, а также примѣненіемъ всякихъ другихъ подходящихъ средствъ; эта связь даетъ бою единство, не взирая на разбросанность войскъ на обширномъ пространствѣ. Сохраняется единство командованія, возможность взаимной поддержки отдѣльныхъ отрядовъ и направленія ихъ дѣйствій на достиженіе общей цѣли боя, независимо отъ спеціальныхъ задачъ каждаго отряда, названныхъ выше.

Усилия сторонъ направляются къ тому, чтобы утомить и истощить противника, развлечь его вниманіе угрозами обходныхъ движеній и, пользуясь благоприятными условіями, наносить ему удары; чтобы овладѣвать постепенно мѣстностью, удерживать завоеванныя позиціи во чтобы то ни стало, не отступать назадъ и пользоваться всякою возможностью дальнѣйшаго наступленія. Тутъ лекторъ остановился на томъ соображеніи, что надлежащая увѣренность въ себя и своихъ товарищахъ и общее убѣжденіе въ необходимости взаимнаго согласованія дѣйствій и взаимной помощи дають, приэтомъ, возможность наиболѣе совершеннаго использования преимуществъ наступательнаго характера операцій, а именно, возможность обращенія въ бой всѣхъ наличныхъ силъ при сознаніи своего господства надъ волею и дѣйствіями противника. При равномъ числѣ ротъ и батарей достигается такимъ образомъ возможность употребленія въ дѣло большаго по сравненію съ противникомъ количества войскъ и полученія надъ нимъ перевѣса.

Одновременно съ войсками, медленно наступающими на непріятеля фронтально, особыя части направляются на его фланги.

Кромѣ того помѣщены въ сентябрьскомъ выпускѣ статьи:

Капитана Cesare Vasché объ организаціи Пармской и Моденской школь.

Капитана Primo Dallari о фехтованіи въ войскахъ:

Подполковника Caserta Cristinziano объ употребленіи пѣхоты по указаніямъ послѣднихъ войнъ.

Капитана Rodolfo Corselli объ участіи женщинъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія Италіи.

Капитана A. Dell'Oro Hermil объ устройствѣ въ казармахъ читаленъ, приемныхъ и другихъ подобныхъ помѣщеній, и воспитательномъ ихъ значеніи.

Окончаніе статьи Eugenio Mercurio и продолженіе статей V. Rappalardo и C. Licomati, уже названыхъ въ предыдущемъ обзорѣ.

В. Н.

